детектив – событие

Валерия

Лемаff

ДЕЛО О ЛЫСОЙ ГИМНАСТКЕ

Детектив-событие

Валерия Леман

Дело о лысой гимнастке

«Эксмо»
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леман В.

Дело о лысой гимнастке / В. Леман — «Эксмо», 2014 — (Детектив-событие)

Неотразимый Ален Муар-Петрухин попадает прямо с корабля на бал: из парижского самолета – на выставку картин старой приятельницы в ее московском особняке. Увы, он не поклонник натурализма в живописи – человеческие сердце, печень и легкие, изображенные на холсте, оставляют его равнодушным. Страстный и утонченный Ален, если бы он знал, покидая вернисаж, как скоро его собственное горячее сердце может оказаться всего лишь моделью в ловких руках художницы или мячиком, которым станет жонглировать красавица гимнастка…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леман В., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Memento mori 6
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 30
Глава 9 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Валерия Леман
Дело о лысой гимнастке

© Леман В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Memento mori

Вы не поверите, но я, Ален Муар-Петрухин, великий делатель рекламы косметической фирмы «Сады Семирамиды» с головным офисом в Париже, я, благополучный обыватель, проживающий в двухэтажном домике зеленой зоны Москвы, загруженный рутинной работой с утра до ночи, в далекой юности мечтал стать артистом.

Я даже отучился один курс во Всероссийском институте кинематографии на актерском отделении, где и познакомился с любовью всей моей жизни – коварной и неверной Соней Дижон. И пусть та заветная мечта о создании образов героев кинороманов так и осталась мечтой, я порою играю по жизни неплохие спектакли по собственным сценариям.

Именно потому с особым удовольствием и предвкушением триумфа я подготавливал ассорти из монологов любимого «Гамлета». Вы спросите, перед кем я играл собственную постановку великой трагедии? Отвечаю: в первую очередь перед самим собой.

Глава 1
Дурацкая записка

«Прежде чем мне родиться, цыганка нагадала матери, что у нее будет сын, сильный и смелый, который убьет троих ни в чем не повинных людей».

Если речь шла обо мне, то вынужден активно протестовать. Согласен – я сильный и смелый, но вовсе не способен убить даже курицу, не то что человека, а тем более – троих зараз. Кроме того, моя мама, ныне трудящаяся в Национальном парке Серенгети в Танзании, никогда не обращалась к цыганкам, и никто ей не гадал, даже когда она была беспечной студенткой МГУ. Во всяком случае, ничего подобного она мне ни разу не рассказывала.

Между тем эта глупейшая записка лежала в самом центре дивана гостиной моего московского дома, когда я вернулся майским вечером последним рейсом из Парижа.

Тот день начинался с монотонного, мелкого, почти неслышного дождя. Дождь шел в Париже, когда отец вез меня в аэропорт, всю дорогу настраивая на активную работу на благо и процветание семейного дела – косметической фирмы «Сады Семирамиды». Дождь встретил меня и в Москве; я меланхолично слушал его усыпляющую песню, приготавливая себе кофе на кухне, размышляя, чем занять выходные дни.

Так ничего и не придумав, с большой чашкой ароматного напитка я, постаравшись выкинуть из головы все банальные мысли, устроился в гостиной перед бубнящим телевизором, где и обнаружил тот листок с дурацким текстом.

«Прежде чем мне родиться, цыганка нагадала матери, что у нее будет сын, сильный и смелый, который убьет троих ни в чем не повинных людей».

Почерк явно принадлежал моей младшей сестрице Ольге, а это значило, что она нашла-таки время, чтобы проведать дом в мое отсутствие. Разумеется, не для того, чтобы навести в нем порядок (всюду красовался слой пыли чуть ли не в палец толщиной), а просто для того, чтобы «отметиться» – дескать, была, свой сестринский долг выполнила, отвалите от меня куда подальше.

Тут стоит добавить, что в небольшой комнате под лестницей проживает мой садовник, добрый друг и приятель Василий Щекин. В годы юности беспечной, оставшись в этом доме за хозяина, я был вынужден обратиться в знаменитую Тимирязевку с просьбой сосватать мне лучшего студента-траволюба, чтобы он ухаживал на тропическими растениями в небольшой оранжерее и за роскошным садом, оставленным мне мамой. Тогда и явился Васек и с первой встречи пришелся мне по душе. Я пригласил его на службу, о чем ни разу не пожалел – кроме всего прочего, Васек отлично готовит и с удовольствием этим занимается, себе и мне на радость.

Между тем в тот самый вечер Васек отсутствовал: отбыл на заслуженный отдых в Стамбул. Вот почему перед своим отъездом в славный город Париж я едва ли не на коленях умолял Ольгу пожить недельку в родном доме, не забывая поливать цветы и вытирать пыль. Но, наведавшись в стены дома моего, моя бравая сестрица если о чем и думала, так явно не о цветочках, которые первым делом пришлось залить свежей водицей мне, едва явившись из аэропорта.

Я хмыкнул, отбросив в сторону листок. Оставалось только надеяться, что эту глупость Ольга сочинила не про меня. Между тем я сладко потянулся, хрустнув суставами, и взялся за телефон.

Делая звонок Соне Дижон, я чувствовал, как мое сердце начинает скакать галопом. Пауза, долгие гудки…

– Да?

Голос лучшей девушки на свете! Чуть хрипловатый, волнующий… а какая красавица – блестящие черные волосы, синие глаза…

– Привет. Это я.

– Толик?

Убейте меня «Парабеллумом», если Соня не узнала мой голос с первого же аккорда! Просто у этой чертовки в крови дразнить своего самого верного поклонника.

– Моя дорогая Соня, это не Толик, не Жорик и не какой-нибудь съедобный кролик. Это я – Ален.

– Ален… Ален Делон?! Неужели?!

Мне оставалось только вздохнуть. Есть люди, которые любят повеселиться за чужой счет. Если бы я зарыдал в голос, стоя перед Соней на коленях, она бы от души расхохоталась, заметив проплешину у меня на темечке или что-нибудь в том же роде. Я уж не говорю о том, что это немедленно стало бы новым анекдотом в ее богемной компании.

– Увы, мадемуазель, я – не Ален Делон, а всего лишь ваш московский приятель: папа – француз, мама – русская. Полукровка, как и вы. Спешу напомнить, что мы с вами познакомились, когда учились во ВГИКе; вы мечтали стать художником-постановщиком, я – актером. Помню, как вы задумчиво ковыряли в носу, сидя на подоконнике, очевидно, обдумывая ваш очередной шедевр. Я увидел вас и…

Разумеется, красавице Соне надоело слушать столь пространный монолог, и она очаровательно расхохоталась, непринужденно прервав на полуслове мою вдохновенную речь:

– Ах да, ну конечно! Как я могла забыть: тот самый косолапый парнишка! Привет. Как жизнь?

– Неплохо. Косолапим понемногу.

Она вновь расхохоталась. Ох, не люблю я, по чести сказать, когда Соня Дижон так откровенно радуется жизни – как правило, лично мне ничего хорошего это не предвещает.

– Слушай, я думала, ты торчишь где-нибудь в Париже, трудишься, как пчелка, на своего папочку.

– Трудился. Я только что…

Она в очередной раз не дала мне договорить:

– Ты просто не представляешь, насколько кстати позвонил! У меня сегодня нечто грандиозное. Представь: выставка моих новых, необычных и потрясающих картин под названием «Memento mori». Самое же пикантное это то, что выставка откроется в подвале моего собственного дома! При входе каждый получит свечку, с помощью которой и будет осматривать холсты.

– Да уж, могу себе представить.

Боюсь, в моем голосе прозвучала желчная нотка.

– Как раз этого ты представить себе никак не можешь. – Сонин голос звучал сурово и назидательно. – Потому как ничего подобного еще просто ни у кого не было. Ожидается грандиозное нашествие прессы с последующими ошеломляющими публикациями во всех ведущих газетах и журналах страны. Так что советую тебе поторопиться приехать, чтобы увидеть все собственными глазами.

Тут она многозначительно усмехнулась, слегка понизив тон:

– Кроме всего прочего, мне будет приятно познакомить тебя с одним человеком, который и вдохновил меня на эту серию картин.

Мне оставалось только вздохнуть. Все ясно: Соню вдохновляют на творчество лишь новые красавчики. Значит, на этот раз мне будет оказана высокая честь лично пожать руку ее очередному избраннику.

– Ну что ты там все вздыхаешь, дурачок, – хихикнула легкомысленная художница. – Времени для сантиментов не остается. Торжественный спуск в подвал – в двадцать один ноль-ноль, а вот бесплатное распитие спиртного начнется уже через пару часиков. Не пропусти!

И в трубке раздались короткие гудки.

Разумеется, я не мог пропустить столь сногсшибательное событие. Коню понятно, мне не терпелось взглянуть на новое увлечение Сони. Внутри меня, где-то там, в области желудка, словно проснулся некий червь, что принялся сосать беднягу Алена. Я подумал, что если бы эти дурацкие слова на листе бумаги в моей гостиной действительно оказались пророчеством, если бы мне реально было суждено убить троих ни в чем не повинных людей, то первым из них вполне мог оказаться этот малый – вдохновитель подвальной выставки. Но пока что было гораздо разумнее выбросить из головы ревнивые мысли.

Нарочито неторопливо я принял душ, облачился во все свежее и вывел из гаража свой верный «Пежо». Как смерч, мой славный автомобиль пронесся по влажным мостовым, пересек город, так что уже через час с копейками я мысленно матерился, пытаясь где-нибудь припарковаться – все места во дворе Сониного дома, как и вдоль дороги к нему, были битком забиты автомобилями самых крутых марок.

Стало быть, бесплатное распитие спиртного для трепещущих зрителей выставки успешно началось.

Глава 2
Богемные тусовки

Ярко освещенные двери были широко распахнуты, так что, уже шагая по аллейке к дому, я мог любоваться самыми экзотическими личностями, дымящими сигарами и блаженно потягивающими «бесплатное спиртное» за столиками на террасе и на площадке перед входом.

Небрежно приветствовав славных представителей столичной богемы, я шагнул за порог и замер в невольном замешательстве. Просторная гостиная была до отказа забита болтающими, хохочущими, флиртующими и накачивающимися все тем же бесплатным алкоголем бездельниками. С трудом протискиваясь между ними, я попытался было найти хозяйку, что в такой толкотне оказалось делом непростым.

В самом деле, не кричать же в отчаянии «Ау, Сонюшка»?! Потеряв всякую надежду, я решил, что проще всего устроиться у стойки с чем-нибудь успокаивающим и мирно ждать. Сама придет, никуда не денется.

Едва я пристроился у стойки бара, обдумывая, чем бы из бесплатного спиртного потешить свою шальную душу, как ко мне подвалила дама не первой свежести с бокалом мартини в руках.

– Вы уже в курсе, что нас ждет? – кокетливо подмигнула она мне, со смаком отпивая из бокала.

Я вежливо улыбнулся.

– Никто не знает, что будет завтра.

Дама заливисто расхохоталась. При этом ее весьма внушительный бюст в роскошно-смелом декольте волнующе завибрировал.

– Ах, я не о будущем вообще. Я – об этой выставке. Говорят, это нечто… Нечто леденящее душу.

– Заранее трепещу.

– Уже само название говорит за себя: «Memento mori» – «Помни о смерти»!

Я попытался было изобразить трепет – чисто из вежливости. Дама вновь кокетливо рассмеялась:

– Сколько в вас иронии!

Вежливо улыбнувшись, я подумал, что красное бордо мне не повредит и, потянувшись к початой бутыли, налил себе бокальчик, неторопливо отпил.

Между тем разговорчивая дама торопливо долакала свой мартини и поспешила вновь наполнить бокал.

– Все трепещут, – не без патетики заявила она. – Кое-кто из пишущей братии уже придумал свое название для этой выставки. «Отходная молитва». Неплохо, а? И с намеком.

Я отпивал маленькими глотками вино и поглядывал по сторонам, все еще отчаянно надеясь обнаружить хозяйку, то бишь Соню.

– И на что намек?

Признаюсь, я задал вопрос опять-таки чисто из вежливости. Дама лукаво погрозила мне пальчиком.

– Что ж тут неясного? Имеется в виду отходная молитва по телу.

Это заявление невольно повергло меня в замешательство.

– По телу?

– Ну да! По человеческому телу.

И она вновь захохотала, видимо, находя совершенно неотразимым колыхание собственного бюста.

– Кстати, на днях читала кое-что волнующее примерно на эту же тему. Кажется, в Германии некий маньяк-каннибал поместил в газете объявление, что желает съесть добровольца. Настоящий шок, вы согласны? Но только представьте себе, доброволец нашелся! Молодой парень сам явился, чтобы быть убитым и съеденным! Правда, доесть до последней косточки маньяк его не успел – вмешалась полиция. Ужасная история, не правда ли?

С этим трудно было не согласиться, и я кивнул. Дама допила свой бокал, задумчиво уставившись на пустое донышко – очевидно, в мучительных раздумьях, стоит ли выпить еще или пора сделать остановку.

– Жизнь не так уж часто нас радует, – наконец, заметила она с видом философа и вновь повернулась к стойке.

Воспользовавшись случаем, я поспешил скрыться. Пробираясь в гудящей толпе, я все меньше надеялся на счастливый исход своих поисков, как вдруг кто-то положил руку мне на плечо. От неожиданности я так резко развернулся, что немедленно попал в объятия прекрасной Сони.

– Привет, зайка! – весело проворковала она, непринужденно чмокая меня в щечку. – Как погода в Париже? Выходит, ты сразу – с корабля на бал? Сколько народу собралось – не ожидал такого, признавайся! Надеюсь, ты серьезно настроился на свидание с великим искусством?..

Она не делала и малейших пауз между своими репликами, беспечно задавая вопросы и не ожидая ответов на них, просто наслаждаясь тем, что все взоры в гостиной мгновенно переключились на нее.

А полюбоваться было чем, уж поверьте мне на слово. Высокая, изящная, с идеально ровным каре блестящих волос, сияющими ярко-синими глазами и чувственным алым ртом, одетая в нечто легкое (или, лучше сказать, полураздетая?), ясное дело, она притягивала все взгляды.

Я так засмотрелся на Соню, что не сразу заметил скромного паренька, стоявшего рядом с ней.

– Добрый вечер.

Это он, увидев, что я автоматически перевел глаза на него, вежливо поздоровался. Что тут поделаешь? Пришлось и мне чинно ему кивнуть:

– Добрый вечер.

Сразу стоит отметить, что этот парень, судя по всему, с первого взгляда проникся ко мне симпатией. И это можно было легко объяснить: дело в том, что мы с ним, бедолаги, были на этой богемной тусовке, пожалуй, единственными уникумами в чинных костюмах и даже при галстуках. Остальные щеголяли друг перед другом в самых невероятных прикидах: кто в рваных джинсах авторской работы мэтров пошивочного дела, кто в цветастых клешах, кто в кожаных штанах. Один тип и вовсе вырядился в шотландский килт.

– Дорогие мои, позвольте, я вас познакомлю, – зефирным голосом пропела прекрасная Соня. – Это мой старый приятель Ален – парень что надо. Это – патологоанатом Сергей. Господи, видел бы ты, Ален, как виртуозно Серж кромсает трупы в анатомическом театре! Просто дух захватывает.

Сергей-Серж мгновенно покраснел и взглянул на меня поверх очков извиняющимся взглядом.

– Вообще-то я…

Разумеется, Соня прервала реплику своего приятеля, просто положив руку ему на плечо. Одновременно развернувшись ко мне, она заговорила словно заслуженная артистка

на сцене: эффектным сопрано с интересной хрипотцой, для особой выразительности чуть приблизив ко мне свое удивительное лицо с дивно сияющими синими глазищами.

– Обращаю твое внимание на название моей выставки: «Memento mori» – «Помни о смерти»! В этих словах – истина, которую мы порой забываем в суете жизни. Дорогой мой, ты не можешь себе представить, что ощущаешь, видя вскрытие тела! Это восхитительное ощущение радости продолжения твоей собственной жизни: я жива, цела и, дай бог, проживу еще сто лет!

Проговорив сей монолог с патетикой и оптимизмом, напоследок одарив меня очаровательной улыбкой, она тут же обо мне забыла; оглядевшись кругом, подхватила своего «хирурга» под руку.

– Внимание, Серж, – отдала она приказ, прищурившись куда-то в гущу спин и плеч. – Наконец-то появился тот самый тип из журнала, с которым я непременно должна тебя познакомить!

И без лишних разговоров она потащила бедолагу вперед, даже не кивнув мне на прощание. Сергей бросил на меня отчаянный взгляд, и парочка в мгновение ока исчезла в гудящей толпе.

Я попытался проследить за ними глазами, но то была тщетная попытка – Соня уверенно таранила гостей, решительно ведя приятеля к новым свершениям. Вздохнув, я вновь вернулся к стойке и налил себе еще один бокал бордо.

– Напиваемся вдрызг по поводу несчастной любви, – прозвучал рядом знакомый насмешливый голос.

Разумеется, то была моя любезная сестрица – студентка-отличница, бессменный финансовый директор московского филиала «Садов» по имени Ольга. Как и следовало ожидать, одета она была под стать всей местной публике: рваненькие джинсы за кучу баксов, блузон почти до колен и бесчисленные фенечки-браслетики на ручках-ножках-шее.

– Здравствуй, сестрица моя, Оленушка, – проблеял я «пьяным» голосом.

– Здравствуй, братец мой, Аленушка, – в тон мне ответила она.

Мы не стали обниматься-целоваться, предпочтя тому взаимный осмотр друг друга с ног до головы. Оставшись в общем и целом довольны результатом, мы чокнулись бокалами и с удовольствием сделали каждый по глотку.

– Значит, ты вернулся, – констатировала факт Ольга. – Сегодня?

– Можно сказать, только что.

– Как Старый Лис?

(Замечу в скобках, что Старым Лисом мы с Ольгой называем отца.)

– Как танк.

– И слава богу.

Ольга не озиралась кругом, как Соня, она критическим оком разглядывала меня, родного братца.

– Вот смотрю я на тебя и думаю: сколько все-таки в жизни парадоксов! – промолвила она наконец. – Казалась бы, приличный молодой человек, в костюме и галстуке. Глянешь на такого, и мысли в голове: о, наверняка этот парень днюет и ночует в родном офисе. А между тем на самом деле ты – лентяй и бездельник. Зато каждый второй, бросив взгляд на меня, лишь усмехнется: хиппушка, попрыгунья-стрекоза, наверняка не помнит, сколько будет дважды два! При всем при том именно я тружусь как пчелка на семейный бизнес, ночами сводя дебет с кредитом, совмещая доблестный труд с не менее доблестной учебой в вузе. А ты, родной мой, между нами говоря, и здесь отличился, кому расскажи – не поверят! Это надо суметь: малость поучиться в трех столичных вузах и не окончить ни один из них!

Я усмехнулся.

– Таинственное число три. – Тут я пристально посмотрел на сестрицу. – А ведь я еще должен согласно твоему жутковатому предсказанию убить троих ни в чем не повинных людей.

Ольга посмотрела на меня, слегка приподняв бровь.

– Вот уж чем сроду не занималась, так это предсказаниями… Кстати, мой дорогой братец, а ты реально мог бы кого-нибудь убить?

Я пожал плечами:

– Запросто. Да хоть троих зараз. Первой – тебя, за слишком длинный язык. Второй – Соню, за постоянные измены. Так сказать, из ревности. Третьим же непременно стал бы этот блестящий «хирург» Серж, виртуозно кромсающий трупы. Полагаю, он теперь каждый вечер тусуется здесь, у Сони. Ведь так?

Вместо ответа моя мудрая сестричка только многозначительно усмехнулась, а я не стал настаивать, неторопливо продолжив цепочку невеселых житейских размышлений неисправимого романтика.

– И вот представь себе: я убиваю вас прямо сейчас, при всем честном народе, тут же красиво выбегаю прочь из домика, бегу к дороге, эффектно сажусь в свой лимонно-желтый «Пежо» и на бешеной скорости улетаю отсюда куда подальше – в свой тихий и мирный дом…

Ольга с усмешкой вздохнула:

– Очередная история в духе Бонда. Джеймса Бонда… Как говорит один мой приятель – труба!

– Возможно, и труба, – бодро согласился я. – Но разговор сейчас не об этом. Может, ты в курсе, что здесь происходит и что там за шедевры ожидают нас в подвале? Мне тут так тяжко намекали на какие-то отходные молитвы…

Ольга хмыкнула.

– Да уж, полный отходняк! – проговорила весело. – Осмотр картин в кромешной тьме при неровном трепете свеч… Впрочем, не буду ничего предвосхищать. Советую взглянуть на все собственными глазами.

– Звучит интригующе. Что ж, посмотрим.

– Уж ты смотри внимательнее, ближе подноси свечу к шедеврам. У тебя, кстати, есть какой-нибудь мешочек?

Сестрица смотрела на меня с ехидной ухмылкой.

– Не понял. – Я пожал плечами. – Зачем мне какой-то мешочек для осмотра шедевров в кромешной тьме?

Тут Ольга вместо ответа рассмеялась, весело подхватила меня под руку и потащила за собой.

– Увидишь. Началось! Двигайся быстрее, или тебя затопчут ногами возбужденные встречей с высоким искусством посетители!

В общей толпе мы молниеносно очутились у подвала, где при входе стоял важный парень в смокинге, чинно выдававший каждому по свечке. Здесь Ольга совершенно неожиданно дематериализовалась.

Таким образом, я оказался один-одинешенек среди бубнящих и хихикающих поклонников Сониного искусства. Что было делать? Спустившись на шестнадцать ступенек, я сделал несколько шагов и…

И стремительно приобщился к потрясающему искусству потрясающей художницы Сони Дижон.

Глава 3
Великий Отходняк

В течение следующих неполных сорока минут я блуждал по крошечным зальцам подвала Сониного дома с трепещущей свечой в руках среди прочих «огоньков», бросая осторожные взгляды на нетленные шедевры, украшавшие стены. Собственно говоря, для общего впечатления вполне достаточно было познакомиться с парой-тройкой полотен, постаравшись остаться при том в добром здравии и настрое.

Поверьте мне на слово, это было действительно нечто. Десятки огромных мрачных полотен, на которых было изображено не понятно что. Но это только на первый взгляд. Приблизившись к первому холсту, я в предвкушении замер, всматриваясь. И тут же вместо душевного трепета перед вечным искусством вдруг ощутил довольно-таки сильный рвотный рефлекс, очень кстати припомнив реплику Ольги по поводу «какого-нибудь мешочка».

На картине, как говорится без лишних затей, были изображены мрачноватые внутренности свежевскрытого трупа – этакое кровавое месиво с отдельными, весьма четкими, подробностями. Назывался сей шедевр простенько, но со вкусом: «Внутренний мир».

Ничем не хуже было и второе полотно, где главным героем оказалась человеческая печень, выложенная на некое подобие огромной синей тарелки из гипермаркета ИКЕА. Честно говоря, печень эта мало чем отличалась от говяжьей или свиной, ну, разве что размером поменьше, да и вид у нее был, прямо скажем, не слишком аппетитный. Объяснение тому давало лаконичное и внушительное название шедевра: «Жертва алкоголя».

Вот так-то – уверенная кисть мастера все расставила по своим местам: жил человек и умер, его вскрыли и без труда определили причину смерти. Не забывайте, граждане: много пить – здоровью вредить.

Отмечу сразу, что все прочие шедевры выставки были выдержаны примерно в том же суровом стиле, тяжело и мрачно агитируя за здоровый образ жизни и правильное питание. Не пейте, не курите, не поглощайте чипсы и прочую гадость – ешьте авокадо и орешки, брокколи и спаржу и тогда вскрывать ваши трупы будет одно сплошное удовольствие для патологоанатомов всех городских моргов.

Сами понимаете, каждое новое полотно лишь усиливало мой рвотный рефлекс. Я даже придумал новый сюжет для завершающей картины данной выставки: чаша с рвотной массой. Название: «Спасибо, что нас посетили!» Я пообещал себе непременно предложить его Соне. Абсолютно бесплатно.

Блуждая среди богемной публики, искрометным юмором отмечающей каждое новое Сонино произведение, я подумал, что моя подруга очень мудро поместила все свои шедевры в полной тьме. Будь каждая картина ярко освещена, совершенно неизвестно, какой бы эффект это имело. А тьма давала шанс выжить – лично у меня не было никакого желания лишний раз поднимать свечу, чтобы всматриваться в сюжет очередного полотна.

В какой-то момент мне вдруг пришла в голову мысль, что Соня Дижон, любовь всей моей жизни, на самом деле так и остается для меня немного пугающей незнакомкой. Пару раз я наблюдал, как она создает свои картины – кажется, моя любимая даже переставала дышать, в каждый новый мазок кисти вкладывая частичку своей энергии… И при всем при том все картины Сони Дижон остаются для меня абсолютно чужими… Чернуха, мрачность, безысходность – такими словами можно охарактеризовать их в общем и целом.

Что ни говори, а приходится признать очевидный факт: восхитительная, на редкость пропорциональная синеглазая Соня не создала ни одного столь же гармоничного и прекрасного, как она сама, произведения. В каждой ее картине – в лучшем случае гротеск и анома-

лия, в худшем – вот такие мерзости в духе трепанированного черепа и искореженных курением органов мертвяков.

И все равно я преданно люблю художницу и человека Соню Дижон. Такие вот дела…

Просмотр я завершил, по глупости остановившись перед очередным шедевром. Крупным планом на нем был изображен синевато-зеленый скукоженный пенис мертвеца (я ориентировался по колориту шедевра). Название картины было вполне в духе всей выставки: «Прощай, любовь моя!»

Как говорится, это было последней каплей. Из подвала я вылетел, как птичка из клетки. Глотнув влажного свежего воздуха, стрельнул сигарету у худощавого субъекта в темных очках – похоже, выставка подействовала на парня не лучшим образом, раз он на ночь глядя разгуливал в солнцезащитных очках.

Клянусь, никогда больше не получал такого наслаждения от греха курения! Я жадно затягивался никотином и прочими жуткими штучками, содержащимися в сигарете «Кэмел», с восторгом смотрел на темную синь неба с яркой россыпью звезд, подсвеченных серебристым полумесяцем, и мой рвотный рефлекс постепенно слабел, затухал, а на лице застывала слабая улыбка. В конце концов, вздохнув с великим облегчением, я затушил сигарету и отправил окурок в урну.

– Ну что, совсем плохо? – криво ухмыльнулся угостивший меня сигаретой малый, глядя черными стеклами очков.

Я ухмыльнулся в ответ:

– Наоборот: сейчас мне очень хорошо!

И я почти бегом кинулся к своей машине.

Глава 4
Ночная гостья

Люблю ночные «полеты» по автострадам столицы. Мой «Пежо» почти бесшумно несся по влажной дороге, притормаживая лишь у меняющих цвета загипнотизированных фиолетовой ночью светофоров, в открытое окно врывался освежающий ветер, ерошил мне волосы и, кажется, еще доносил слабый аромат сирени, что так буйно цвела вокруг Сониного дома.

Я старался выкинуть из головы дурацкую выставку и ее на редкость уродливые картины. Кошмар! Чтобы отвлечься от этой темы, я с головой окунулся в более приятные воспоминания – о нашей с Соней первой встрече, давшей старт истории любви всей моей жизни.

Тогда, в годы юности, мы с Соней были беспечными студентами института кинематографии, или ВГИКа. Все было чудно и удивительно: первые дни учебы, первые лекции и уроки мастерства, дерзкие, честолюбивые надежды… Как говорится, весь мир принадлежал нам.

Я действительно первый раз обратил внимание на Соню, когда она стояла у окна. Разумеется, она не ковыряла в носу, но о чем-то сосредоточенно думала. Я подошел и осмотрел красавицу с ног до головы, небрежно облокотившись о подоконник.

– Привет, красотка! Хорошая погодка, не правда ли? Предлагаю познакомиться и отправиться в ресторан, чтобы обмыть знакомство и настроиться на ночь безудержного секса.

Мне казалось, что столь стремительным началом я мгновенно очарую симпатичную девушку.

Она перевела на меня синий задумчивый взгляд, в свой черед окинула взором с ног до головы и спокойно кивнула:

– Предлагаю для начала просто познакомиться. Сообщите мне ваши ФИО, рост, вес, вредные привычки.

Я ослепительно (как мне казалось) улыбнулся.

– Запросто! Ален Муар-Петрухин, рост – метр семьдесят шесть, вес – шестьдесят два кило, московская прописка, вид на жительство в городе Париже, вредных привычек не имею.

– Интересно, – протянула Соня. – Значит, вы – идеальный человек, раз без вредных привычек. И имя у вас интересное. Совсем как у меня. К вашему сведению, я – Софья Дижон. Живу в Москве, мое второе место жительства – город Женева.

Так с первых же слов выяснилось, что мы оба – полукровки, и этот факт нас немедленно сблизил. Разумеется, мы не поскакали ни в какой ресторан для обмытия знакомства, а просто целый день бродили по ВДНХ (пропустив последние пары), ели мороженое и делились воспоминаниями о светлом детстве в окружении любящих родителей. Ближе к вечеру я купил бутылочку шерри, которую мы распили в родном общежитии на Галушкина, в определенный момент перейдя от духовного общения к общению телесному.

Так началась светлая история нашей любви. Казалось, мы были созданы друг для друга. Засыпали и просыпались вместе, готовили друг другу кофе и банальные бутерброды, обещая «чуть-чуть позже» порадовать любимую – любимого грандиозным блюдом из шедевров мировой кухни.

Увы, это время так и не наступило и, каюсь, по моей вине. Я сам, кожей чувствуя, что юность – явление чрезвычайно короткое и скоро пройдет и что «надо пользоваться жизнью», однажды предложил Соне мировое соглашение: в ближайшие год-два не хранить друг другу отчаянную верность.

«Вокруг столько симпатичных девушек щелкает по асфальту каблучками, а я стараюсь на них не смотреть. Согласись, обидно! Ведь юность дается нам только раз, – объяснял я насупившейся подружке. – Пройдет немного времени, я женюсь – конечно же на тебе! – и уж тогда мне не придется погулять от души, я буду образцовым мужем и отцом. По этой причине предлагаю немедленно сделать перерыв, чтобы немного отвлечься друг от друга…»

Что и говорить, делая это не совсем пристойное предложение Соне, я в глубине души был уверен, что уж она-то все равно сохранит мне преданность и верность, предоставив возможность погулять налево мне, юному и прекрасному. Ан нет! Получилось все с точностью до наоборот.

У меня толком и приключений-то не было, а вот Соня кинулась в омут свободы с головой. Она меняла поклонника за поклонником, притом на первых порах находя извращенное удовольствие представлять каждого лично мне. В конце концов я смирился и молча страдал, в какой-то момент осознав, что буду любить эту взбалмошную девушку до конца своих дней…

Лирика вперемежку с грустью! Я свободно откинулся на спинку сиденья и, держа руль одной рукой, принялся напевать со слезой в голосе:

– Не сыпь мне соль на раны, не говори навзрыд…

И тут за моей спиной раздался смех – по сути дела, то был самый настоящий истерический хохот. От неожиданности я содрогнулся, что есть сил вдавив ногой педаль тормоза. Машина взвизгнула и замерла, а я с бешено колотящимся сердцем резко развернулся назад.

Она сидела, сжавшись в дальнем углу салона, – маленькая хрупкая девчонка, чье лицо в темноте было плохо различимым.

– Мать твою, ты кто такая? – крикнул я, быть может, тоже не без истеричной нотки в голосе. – Как ты сюда попала?

Я включил свет, и она тут же вскинула обе руки к лицу. Ее светлое платье было не первой свежести и порядком измято, как будто она неделю спала, не раздеваясь. Волосы и того хуже – они торчали во все стороны, как у Эйнштейна на известном фото. Тонкое бледное лицо, похоже, было все перепачкано размазанной косметикой, а крупный рот сводило судорогами.

– Простите, простите меня, мне плохо, – забормотала странная незнакомка, беспрерывно ломая руки и нервно смеясь.

Ее истерический смех перешел в глухие рыдания. Поначалу мне показалось, что у меня в машине – явная сумасшедшая. Попытайтесь представить себя на моем месте: среди ночи вдруг обнаружить в салоне собственного автомобиля странную незнакомку, не понятно каким образом и с какими намерениями материализовавшуюся на заднем сиденье. В пору запаниковать.

Пару минут я молча разглядывал ее, и это постепенно вернуло меня в норму. Я глубоко вздохнул.

– Ты кто такая? – Этот вопрос я задал уже вполне спокойно. – Первый раз тебя вижу. Откуда ты взялась?

– Простите меня, – в очередной раз пробормотала она и бесчувственным кульком свалилась на сиденье.

Опущу подробности той дивной ночи. После выставки человеческих внутренностей кошмар повторялся – на этот раз я реально пытался вернуть к жизни в своем роде живой труп.

Я хлестал бледную девицу по щекам, яростно тряс за плечи – все было бесполезно, она не подавала и малейших признаков жизни. Тут я очень вовремя вспомнил про фляжку

с остатками коньяка, что всегда валялась у меня в бардачке, и попытался влить его этой ненормальной в рот. Это возымело моментальный эффект: девица сразу же пришла в себя, поперхнулась и долго не могла откашляться.

– Тебя подвезти к ближайшей станции метро? – как можно вежливее предложил я, весь сотрясаясь от злости.

Она посмотрела на меня с отчаянием, и я впервые заметил, что девчонка совсем не дурна. Если ее, конечно, отмыть.

– Помогите мне, пожалуйста, – прошептала бедняжка дрожащими губами. – Меня хотят убить…

– Кто тебя хочет убить – мафия? Коза ностра? Какого черта ты залезла в чужой автомобиль?!

– Я боюсь…

– А меня ты не боишься?!

– Меня хотят убить.

– Тебя заело? Могу подвезти к отделу полиции, пусть они там разбираются, кто тебя желает убить.

Несколько секунд ночная гостья смотрела на меня в полном отчаянии, трясясь всем телом, как в лихорадке.

– Я так устала, так устала убегать от смерти! – выкрикнула она наконец звенящим голосом. – Я всю жизнь одна, никому не нужна. Для чего тогда жить? Все правильно: выбрасывайте меня из своей машины!

Выкрикнув эту тираду, она плашмя рухнула на сиденье и зарыдала в голос. Сами подумайте, что мне оставалось делать?

На полной скорости я газанул домой. Приехав, обнаружил, что рыдающая девица благополучно отключилась в мирном сне; матерясь и спотыкаясь, я был вынужден на руках затащить ее в дом и заботливо пристроить на собственной роскошной кровати в спальне второго этажа. Только не подумайте, что я такой уж благородный рыцарь – просто в спальне я мог запереть незнакомку на ночь, дабы не проснуться утром в абсолютно пустом доме.

После этого, практически валясь с ног от усталости, я спустился в гостиную и успел еще вяло подумать, не сварить ли мне кофе. Весь дом был погружен в священную тишину майской ночи, лишь откуда-то из сада доносился беспрерывный стрекот сверчка.

После всех треволнений этого дня я ощущал себя чертовски злым и усталым. Скулы выворачивало от зевоты. С закрывающимися глазами я достал из тумбочки и кинул на диван подушку, плед, рухнул сам, не имея сил даже на то, чтобы раздеться.

Пару секунд спустя я мирно спал.

Глава 5
Великолепные сны

С детства мне совершенно точно известно: лучший помощник в самых, казалось бы, тяжелых и безвыходных ситуациях – спокойный, мирный сон. Недаром в русских народных сказках столь часто повторяется поговорка «Утро вечера мудренее». Кроме банального отдыха сон порою дает неожиданные ответы на самые сложные вопросы.

Так было и на этот раз. Первые часы сна я находился в некой черной бездне – меня просто «выключили» для основательной подзарядки. Ближе к рассвету какая-то часть меня очнулась и, потянувшись, неторопливо направилась путешествовать в волшебном измерении сна.

Я снова был ребенком в бесконечном солнечном лете, в деревне под Тамбовом, утопающей в зелени и цветах, где жила моя любимая бабуля Варя. На этот раз мы с ней бродили по лесу, слушая пение птиц, неторопливо беседуя и собирая нереально огромные грибы с яркими шапочками.

– Аленчик ты мой, гляжу на тебя и не нарадуюсь: и ладный ты у меня, и складный, – напевно говорила баба Варя. – Всем удался: и умом, и статью. Только вот с ушками проблема.

Это неожиданное замечание про мои до сих пор вполне благополучные уши меня удивило. Остановившись на месте, я требовательно дернул бабушку за ее длинную юбку.

– Бабуля, что ты такое говоришь? Какая такая у меня проблема с ушами? – Я даже на всякий пожарный осторожно ощупал оба свои уха. – Они у меня совершенно не болят, и слышу я хорошо.

Бабуля взглянула на меня, весело подбоченясь.

– Тебе только так кажется, дорогой ты мой внучок. Слушаешь ты, может, и хорошо, а вот слышать – тут у тебя проблемы.

В следующий момент она уже сидела передо мной на пеньке и улыбалась, чуть прикрыв глаза.

– Птицы поют – услышь!

Птицы действительно пели – невероятно громко, чудесно, своим пением сплетая прекрасный рисунок мелодии.

– Я слушаю.

– А что слышишь?

На всякий случай я прислушался чуть внимательнее.

– Ну… Они поют. Щебечут… А вот сейчас дятел стучит… А вот птичка просто заливается…

Бабуля усмехнулась, покачав головой:

– Заливается щегол – он поет о своей любви, он счастлив и упоен и не слышит никого, кроме себя самого; как и все мы, пока молоды, прекрасны, беззаботны и уверены, что весь мир принадлежит нам.

Легкий жест бабули, запрещающий мне говорить, и я вынужден слушать ее без собственных комментариев. Или слышать?..

– А вот это чириканье – это голос заботы: птички желают отобедать и ищут, чем бы перекусить да птенцов своих накормить…

Несколько мгновений бабуля прислушивалась, мягкой улыбкой отмечая очередную птичью трель.

– А вот это голубиное гуканье – точно как я тебя сейчас, мать учит деток слышать ее!

Бабулины мудрые глаза – серые, почти прозрачные, в которых, кажется, сконцентрированы все улыбки мира. Она многозначительно поднимает палец, призывая меня слушать и слышать: отчетливо, словно бравый барабанщик на марше, застучал дятел, вслед ему таинственно заухал невидимый филин, надежно скрытый зеленью крон деревьев.

– Слышишь? – Бабуля приложила палец к губам. – Слышишь, о чем предупреждает дятел? Открой душу, услышь! Ну, что слышишь?..

Какое-то время я что есть сил тер свои несчастные уши – мне казалось, стоит потереть их как следует, и я услышу то, что слышит моя бабушка. Но она строго ухватила меня за руки, с силой отвела их в стороны. Ее чуть сузившиеся глаза смотрели на меня с мягким укором.

– Не три свои уши, дурачок! Слышать нужно сердцем. А где находится твое мудрое сердце?

Я опустил голову, взглянув на собственную грудь, и в то же мгновение передо мной вдруг появилось сердце – то, что царило на одном из полотен Сониной выставки – «без прикрас». Кроваво#красное, склизкое, окутанное сетью многочисленных, слегка подергивающихся сосудов, оно дышало и ритмично содрогалось: тук-тук, тук-тук, тук-тук…

– Ну что, теперь-то ты слышишь, что говорит тебе твое собственное сердце? Ты слышишь?

Это был уже голос не бабы Вари, а самой лучшей девушки на свете – моей дорогой и единственной Сони, которая сидела передо мной, скрестив руки на груди, улыбаясь немного таинственно и загадочно.

– Это то, о чем я тебе говорила: сердце без прикрас, настоящее, живое, кровавое. Послушай, о чем расскажет тебе мое…

И она без малейшей паузы, запросто, как помаду из сумки, извлекла из своей груди сердце – точно такое же, как мое, только бьющееся чуть быстрее и взволнованнее, словно торопясь рассказать свою историю.

Мне стало не по себе – слишком много крови, слишком много грубой анатомии без тени романтики. Я отвернулся.

– Знаешь, моя дорогая Соня, я почему-то уверен, что неплохо слышу тебя и без этого куска мяса. Ты – красивая, уверенная в себе, в своей красоте и художественном таланте. Именно поэтому сейчас ты легко отмахиваешься от меня – у тебя ведь много поклонников. Но когда ты чуть-чуть постареешь, когда появятся первые морщинки на лице – вот тогда ты вспомнишь обо мне. Или лучше сказать, что ты УСЛЫШИШЬ меня своим сердцем?..

И я многозначительно посмотрел на нее.

Красавица Соня смотрела на меня, гневно дыша. Она уставилась на меня своими синими глазами, точно хотела пронзить взглядом.

– Посмотрим, кто кого будет слышать, – проговорила она, небрежно отшвырнув свое сердце в сторону, как абсолютно ненужную вещь. – И не вздумай мне звонить, слышишь? Не вздумай!

Быть иль не быть?
Вот в чем вопрос…

Именно в тот момент я вдруг услышал эти классические строчки, произнесенные кем-то чуть в отдалении, тут же припомнив и свою заветную мечту: сыграть роль Гамлета. Минимум декораций и костюмов, игра голосом, интонациями, сдержанными жестами и мимикой.

Да здравствует поспешность!
Как часто нас спасала слепота,
Где дальновидность только подводила!

Есть, стало быть, на свете божество,
Устраивающее наши судьбы
По-своему…[1]

Я с упоением выступал перед пустым зрительным залом. Мне было абсолютно все равно, я не ждал аплодисментов – в тот момент я был принцем датским, несчастным парнем, преданным всем миром, одиноким и непонятым, нелюбимым и ненужным, бесконечно задающим самому себе извечный вопрос «Быть иль не быть?», как будто ответ на него способен придать жизни смысл.

«Соня, неверная, ненадежная, только поприветствовав меня на своей выставке и тут же позабыв, кинувшись к своим бессмысленным приятелям, – тоскует ли она по мне, как я по ней? Слышит ли меня сердцем?..» – мои печальные мысли ложились поверх текста «Гамлета», а я уже шел по бесконечному перрону невесть какого вокзала мира.

Почти тут же мои печальные размышления прервал звук пролетавшего мимо поезда, и в тот же миг я с криком «Да здравствует поспешность!» бросился вперед, успев запрыгнуть в последний вагон, немедленно шагнув в реальность утра.

Пробуждение было стремительно – растрепанный, с бешено бьющимся сердцем, я лежал в смятой одежде на диване в гостиной, куда доносилось через окно пение птиц. Часы, тикавшие здесь же, на стене прямо напротив меня, показывали шесть часов утра. Начинался новый день.

[1] У. Шекспир, «Гамлет», пер. Б. Пастернака.

Глава 6
Утро в сиреневом цвете

Что ни говори, а утро, несмотря на все чрезвычайные происшествия и тревожные сны прошедшей ночи, было прекрасным, и встречал я первые минуты нового дня по своей давней традиции – на кухне, лучшем месте моего дома.

Конечно, стоит отметить, что, едва проснувшись, я первым делом поспешил подняться наверх, чтобы заглянуть в спальню. Убедившись, что гостья не исчезла, смотрит на меня поверх одеяла испуганными глазищами, я адресовал ей приветственный жест и, после ночного тыканья перейдя на галантное «вы», предложил принять душ и переодеться в мои, быть может, и великоватые для нее по размеру, но зато чистые вещи. После этого я с легким сердцем отправился на кухню, чтобы приготовить некое подобие завтрака при наличии пустого холодильника.

Все, кто хоть однажды был у меня в гостях, согласны: моя кухня – особое место, наполненное энергией добра и мира. Здесь я могу просиживать часами, бездумно смотря в окно на кроны деревьев, на порхающих птиц, на уютную террасу, окруженную цветниками и кустами шиповника. Что уж говорить о «черных» днях, когда вдруг навалится тоска так, что на душе кошки скребут – тут я немедленно откладываю все, даже самые срочные, дела и прямым ходом направляюсь на кухню успокаивать нервы искусством кулинарии или банальным кофетворчеством.

Наверное, все дело в том, что когда-то этот дом отец построил для мамы, которая и обживала каждый его метр, внося во всякую деталь его обстановки свою любовь и вкус. Ну а кухня всегда была (и есть!) у мамы на особом счету – она любит готовить и делает это отлично.

Увы, на этот раз мне было сложно удивить и порадовать чем-либо свою неожиданную гостью: повторюсь, холодильник был катастрофически пуст, потому как в мое отсутствие Ольга за считаные визиты умудрилась уничтожить изрядный запас мороженых пицц и других продуктов. В итоге пришлось довольствоваться мастерски приготовленным кофе с кардамоном, который я варил по всем правилам, вкладывая по «рецепту» мамы в напиток частицу своей души.

Когда кофе у меня был практически готов, на кухню бесшумно проскользнула ночная гостья, которую я галантно пригласил на террасу, где уже был накрыт свежей скатертью стол и расставлены деревянные кресла. Через считаные минуты мы уже наслаждались ароматным напитком, оставившим несколько пятен шоколадного цвета на белоснежной скатерти, и великолепным буйным цветением сирени.

Во всяком случае, я наслаждался от всей души. Все было скромно, но очень симпатично: кофе по-ливански с кардамоном, сырные крекеры, которые можно было макать в прозрачный мед в розетке, вокруг которой немедленно начал нарезать круги мохнатый шмель…

Именно в такие моменты вдруг кожей начинаешь ощущать драгоценность жизни и ее, казалось бы, банальных составляющих – солнечное утро, мирный завтрак, шелест зелени, загадочно пересекающиеся на стене тени и заливистый хор птиц, рождающий надежду на чудо. Жизнь прекрасна и удивительна! В моих ближайших планах был визит в гипермаркет за продуктами, а пока я просто пил кофе и любовался этой странной девушкой.

Можете смеяться, но моя ночная гостья оказалась лысой – то есть абсолютно! Ее свежевыстиранный парик сох на ближайшем к нам кусте сирени, а сама она после принятия душа надела мои бриджи и рубашку поло, и эти большие мужские вещи делали ее еще более

хрупкой и трогательной. Мимолетно я подумал: интересно, за что и кто хотел ее убить? Если, конечно, верить ее ночной истерике.

Она выпила свою чашку кофе, не проглотила ни одного крекера и теперь, чуть нахмурившись, внимательно разглядывала свой собственный парик. Разумеется, она не могла не почувствовать мой любопытный взгляд, потому как, устав молчать, я принялся рассматривать ее, не скрывая этого, и, кстати, нашел весьма интересной. Другое слово подобрать трудно, потому как лицо сей барышни было далеко от стандартной миловидности.

Узкое, с глазами серо-голубого цвета, со словно очерченными светлыми тонкими бровями, с правильным миниатюрным носом, это личико неожиданно «завершалось» крупным кроваво#красным ртом, что, само собой, не могло не притягивать мужской алчный взгляд, и мой в том числе. Столь яркий чувственный рот без малейшего следа помады невольно настраивал мысли на особый, игривый и легкомысленный лад.

– Вас шокирует моя обритая голова?

Моя красногубая гостья развернулась ко мне со своим вопросом неожиданно резко, а поскольку после безудержных рыданий и откровенных истерик ночью я практически не слышал от нее ни единого слова, данная реплика невольно заставила меня улыбнуться.

– Да не так чтобы очень, – ответил я, радуясь началу нормального разговора. – В наше время приходится видеть и не такие «прически». Во всяком случае, должен отметить, что вам это идет.

– Мне сейчас не до причесок, – мгновенно помрачнев, отрывисто заявила она. – Я вам уже говорила, что меня хотят убить. Понимаю, в это трудно поверить, но это – правда. Меня хотят убить. За мною идет настоящая охота, поэтому мне просто некогда заниматься своими волосами.

В ее словах вновь прозвучала легкая истерика. Я подумал, что девушка, возможно, натура чрезвычайно нервная, а потому постарался ее успокоить: нарочито медленно наклонился вперед и покровительственно положил свою сильную мужскую руку поверх ее – маленькой и слабой.

– Хочу отметить, что в моем доме вы – в полной безопасности. Предлагаю успокоиться и рассказать все по порядку.

Она бросила на меня настороженный взгляд.

– Вы говорите как настоящий следователь.

– Ну, следователь не следователь, а что-то от комиссара Мегрэ во мне есть. Во всяком случае, мне так кажется.

Выслушав мою реплику, девушка посмотрела на меня так сурово и строго, что сразу стало ясно: она отродясь не баловалась детективами и прочим криминальным чтивом, а потому понятия не имеет, кто такой комиссар Мегрэ и с чем его едят.

Впрочем, я поспешил отбросить все свои ехидные комментарии по поводу начитанности гостьи, уж больно она была трогательно хрупкой и привлекательной. Как писал Пастернак:

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен…

– Дорогая-уважаемая, можете рассказать мне всю вашу печальную историю, а уж я придумаю, как вам помочь.

Я постарался, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно. Страдалица только вздохнула, уставившись на свои крепко сцепленные руки.

– Давайте для начала познакомимся. – Я доброжелательно улыбнулся. – Меня зовут Ален. Имя французское, поскольку мой отец – француз. Мама – русский ботаник, а я – полукровка, из тех бедных деток, что с детства думают на двух языках.

– Меня зовут Кристина. Я – русская.

Девушка взглянула на меня со сдержанной гордостью, как будто Кристина – самое что ни на есть русское имя.

– И я с самого детства привыкла думать только на русском. Не знаю, поймете ли вы меня.

– Постараюсь понять, – усмехнулся я. – Вы не беспокойтесь, просто рассказывайте свою историю. И еще – предлагаю перейти на «ты». Говори мне «ты», договорились, Кристина?

Она молча кивнула, а я с видом мудрого психолога скрестил руки на груди, приступая к вопросам.

– Итак, вчера вечером, можно сказать, ночью, ты вдруг оказалась в моей машине. Быть может, расскажешь, как это произошло? Как ты вообще попала в тот район? Полагаю, ты была среди посетителей выставки Сони Дижон?

Моя собеседница ответила не сразу. Некоторое время она сумрачно наблюдала за шмелем, кружившим вокруг розетки с медом, а потом вдруг строго взглянула на меня, слегка нахмурив тонкие брови.

– Так это была выставка! Я не поняла… Много людей, почти все пьяные – скажу честно, я никогда не была в таких домах, не встречалась с такой публикой. Я – из простых… Но дело не в этом!

Пару секунд она мучительно морщилась, точно подобрать нужные слова было для нее ужасной мукой. Она даже сжала кулачки, затем решительно замотала головой, будто решила заново попытаться изложить свои мысли.

– Дело в том, что за последние несколько дней я сделала целую кучу глупостей, подписала, не читая, море самых опасных бумаг, так что теперь обязана подарить свои органы какому-то медицинскому центру. Это долгая история, и все это так сложно объяснить…

Она глубоко вздохнула, словно собираясь прыгать в бездну.

– Вы – то есть, я хотела сказать, ты… Ты когда-нибудь слышал о нелегальной трансплантации органов?..

Глава 7
Страшная история

Итак, с первых слов разговор пошел о чем-то, на мой взгляд, не совсем серьезном. Трансплантация органов – целая отрасль современной медицины. Что же касается нелегальной торговли почками и печенью, то это сюжет для триллеров: нехорошие врачи хватают несчастного человека без связей – без семьи и берут у бедолаги едва ли не все его органы – для тех, кто побогаче.

Помнится, я даже смотрел немецкий фильм на эту тему: сладкая парочка попадает в руки к таким вот дельцам и едва не расстается со всеми своими жизненно необходимыми органами, а заодно и с самой жизнью. Естественно, в итоге эти двое одолели всех злодеев, а криминальных медиков привлекли к уголовной ответственности. Но в реальной жизни подобные сюжеты практически невозможны.

Я внимательно смотрел на свою гостью, ожидая продолжения рассказа. Несколько секунд стояла тишина.

– У меня был парень, друг, – наконец произнесла Кристина, задумчиво глядя все на того же шмеля. – Его звали Игорь. Мы жили вместе и были счастливы. Все началось однажды ночью, когда он проснулся оттого, что внезапно почувствовал страшную боль. Мы подумали, что у него приступ аппендицита или что-нибудь в этом роде и вызвали «Скорую».

Она хрустнула пальцами, и я обратил внимания, какие они у нее длинные и тонкие – как у пианистки.

– Все было очень просто: ночной вызов «Скорой», клиника, подготовка к операции… Я устроилась в холле, ожидая, когда все завершится и можно будет отправляться домой спать. Я и сама не заметила, как уснула. Проснулась оттого, что меня трясет за плечо медсестра. Она-то и проводила меня в кабинет того молодого хирурга… Или лучше сразу назвать его дьяволом?

Кристина неожиданно перевела взгляд на меня – полный отчаяния и решимости, взгляд бессильной злости.

– Порою очень непросто понять, что за человек тебе встретился. У некоторых такое милое лицо, можно даже сказать, красивое, но чуть узнаешь человека поближе, как тут же понимаешь: он…

Она нервно щелкнула пальцами, подыскивая подходящее слово, словно от того зависели судьбы мира.

– Нехороший человек, – осторожно вставил я. – Преступник, и этим все сказано. Ведь так?

Она мотнула головой, сжав кулачки.

– Да – преступник. Самый настоящий преступник. И этот врач был именно таким. Он начал говорить в общем и целом – что жизнь дорожает и сегодня просто невозможно сделать операцию совершенно бесплатно…

Она горько усмехнулась:

– Между тем он сообщил мне, что у Игоря вовсе не аппендицит, а нечто более серьезное – к сожалению, я не слишком во всем этом разбираюсь и не запомнила название, поняла только, что это нечто опасное. А он все говорил о немалой стоимости операции, о том, что у ведущих хирургов этой клиники просто смешные зарплаты… И так далее и тому подобное. У меня даже голова заболела слушать его речи. Самое же главное – я никак не могла понять, к чему он клонит. А вы… То есть… ты понимаешь?

Я кивнул:

– Понятно – парень намекал тебе на необходимость взятки в твердой валюте. Для того чтобы успешно провести операцию.

Она отчаянно мотнула головой:

– Все было не так! Я ведь сразу ему сказала, что у нас очень скромный доход, можно сказать, мы – практически нищие. И все-таки врач продолжал говорить… И я поняла, что он недоговаривает всего, и постепенно мне становилось не по себе. Но – отчего? Хирург был молодой и вполне симпатичный, с такой доброжелательной улыбкой. Но то, что он говорил, меня почему-то сильно нервировало.

Она облизала пересохшие губы.

– Он все повторял: деньги, деньги… А я все сильнее ощущала страх. На всякий случай я снова повторила, что мы с Игорем не можем заплатить за операцию, иначе сразу обратились бы в частную клинику, и что в государственной больнице все операции обязаны делать бесплатно. Ведь, в конце концов, мы предоставили страховой полис!.. И вот тогда этот врач неожиданно рассмеялся. Слышал бы кто его ужасный смех! Моментально исчезло милое, приятное лицо и появилось нечто новое…

Она болезненно сморщилась, на мгновение прикрыв глаза.

– Такой злой, сухой смех! Издевательский. Как будто он смотрел на меня и думал: вот дура, нашла кому рассказывать о своей бедности! У меня мурашки по коже побежали. Я сидела, смотрела на него и не знала, что сказать. Вот тогда он и произнес эти слова: трансплантация органов.

Кристина перевела взгляд на меня.

– Вы в курсе, что это такое?

– «Ты», – мягко поправил я, и она торопливо кивнула. – Конечно, я в курсе. К примеру, некий человек умирает, потому что у него отказывают почки. Срочно необходимо пересадить хотя бы одну.

– Да, что-то в этом роде и он сказал мне. И добавил, что у Игоря – здоровый организм. Что ему не повредит, если у него отнять одну почку. Заодно это даст средства на необходимую ему самому операцию. Причем все это нужно делать срочно, всякое промедление опасно. Он просто измучил меня своими речами. Неудивительно, что я дала согласие.

И она вновь принялась ломать свои пальцы.

Я смотрел на ее лицо – тонкое, бледное, сейчас оно слегка порозовело, словно бедняжка разволновалась, вновь переживая тот момент.

– Да, я дала согласие на то, чтобы у Игоря отняли одну почку. А следом подписала, что согласна отдать и свою почку. Все потому, что врач убедил меня – Игорю понадобится не одна операция, а несколько, и времени на раздумья уже не будет. Понимаю, сейчас все это звучит глупо, но тогда…

Глубокий вдох.

– Была ночь, я чувствовала себя измочаленной, совершенно без сил. Я даже не читала, что подписывала, бумагу за бумагой. А потом врач так сладко улыбнулся и сделал мне укол. Я уснула – словно умерла…

Она замолчала, закрыв глаза, все так же судорожно сжимая руки. На ветвях деревьев резвились и весело щебетали, пели, заливались птицы; это было своеобразным диссонансом: жизнерадостная и прекрасная песнь птиц и мрачноватый рассказ моей гостьи.

– И что же было дальше? – спросил я.

Она попыталась улыбнуться.

– Дальше? Дальше все было как в кошмарном сне. Я очнулась в полупустой комнате. Руки связаны, ноги – связаны. Я лежала на стандартной больничной койке в полной тишине, от которой стало не по себе. Когда понемногу пришла в себя и вспомнила все, что было до

того, испытала почти панический ужас. Я вспомнила кучу подписанных бумаг и поняла, что, похоже, подписала себе смертный приговор…

Я слушал Кристину, ощущая некоторую ирреальность. С одной стороны, передо мной сидела реальная девушка, еще совсем недавно сотрясавшаяся от истерики. С другой стороны, в то, что она мне сейчас рассказывала, было сложно поверить. Чего такого могла подписать Кристина в той куче бумаг? Что она безвозмездно дарит свои органы некоему конкретному хирургу и просит побыстрее отправить ее на тот свет?

И тут же мне в голову пришла мысль, что, возможно, я, как каждый второй современный благополучный обыватель, просто не желаю загружать себя чужими проблемами, потому и не желаю верить. Между тем Кристина говорила без излишних эмоций – немного устало и монотонно:

– С трудом, но в конце концов мне удалось освободиться от веревок. Вся сотрясаясь от страха, я более-менее привела свой внешний вид в порядок. Разумеется, дверь была заперта, но я открыла окно. Та комната была на шестом этаже здания все той же больницы, куда «Скорая» привезла Игоря. Мне удалось перелезть из окна в окно и попасть в следующую пустую палату. Там дверь была не заперта. Сама не помню, как сбежала по ступеням вниз и выскочила на улицу. За мной никто не гнался. Очутившись на оживленной шумной улице, вздохнула свободнее – я была жива и, кажется, сумела избежать верной смерти.

Она вновь облизала пересохшие губы.

– Кофе? – протянул я руку к кофейнику.

Она отрицательно помотала головой:

– Воды, если можно.

Пришлось подниматься и отправляться на кухню. Когда я вернулся с графином прохладной воды, моя гостья полулежала, откинувшись в кресле, подставив солнцу свое бледное, незагорелое лицо. Услышав мои шаги, она не открыла глаза, а лишь слабо улыбнулась:

– Спасибо.

Она так и лежала с закрытыми глазами, с вытянутыми ногами. Каюсь – я немедленно уставился на эти ноги, отметив про себя их безупречную форму. Наливая в бокал воды, я подумал, что у этой лысой дамочки ножки – как у заправской балерины: тонкие, но мускулистые, длинные, с высоким подъемом.

Она открыла глаза и перехватила мой взгляд. Никак не прореагировав, взяла бокал и сделала несколько жадных глотков.

– Боже мой, иногда счастье – просто выпить стакан воды, – проговорила она.

– Ясное солнце в синем небе, птицы поют полнозвучные хоралы, ты пьешь прохладную воду, и жизнь продолжается, – с бравурным оптимизмом произнес я, вновь усаживаясь в свое кресло. – И что же было дальше?

– Кошмар. – Она улыбалась все той же улыбкой – застывшей, вымученной. – Самый настоящий кошмар. Я вернулась домой и слегка перекусила. Мои мысли сами собой вернулись к Игорю. Оставалось лишь надеяться, что ему сделали операцию и он жив. Я позвонила в больницу, чтобы узнать, как прошла операция, и услышала удивленный ответ дежурной медсестры: пациент с таким именем в больницу не поступал.

По всему выходило, что моего любимого уже не было в живых. Скажу честно: в тот момент я так испугалась, что уже не думала о нем, о моем Игоре, лучшем парне на свете. Я испугалась за себя, кожей почувствовав, что теперь начнется погоня за мной. Уж слишком много я знала – во всяком случае, знала в лицо хирурга, который занимается столь грязными делами. Меня попытаются схватить, чтобы заставить молчать. При этом они знали мой адрес, ведь у них были данные моего паспорта. Мне необходимо было срочно куда-то уехать. И я решила отправиться к одной подруге, в Звенигород.

Опять несколько жадных глотков. Пауза в несколько мгновений, заполненных пением птиц.

– Я побросала в сумку самые необходимые вещи, взяла все деньги, что были, и кинулась на улицу. – Вновь переживая недавние события, она крепко сжала руки. – Наверняка и преследователи ждали меня по месту прописки: клянусь, я с первых же шагов почувствовала слежку за собой! Спиной ощущала чей-то взгляд, оборачивалась, видела самых обычных прохожих, которые спешили по своим делам. И все-таки уверена: за мною следили. Какое-то время я бессмысленно петляла по улицам, ощущая невероятную усталость от невидимого преследования. Вдруг на глаза мне попалась парикмахерская и я, недолго думая, зашла туда. Я решила изменить свою внешность: попросила постричь меня наголо. Девушка-парикмахер только рассмеялась и быстренько исполнила мое пожелание. Но когда я увидела свое собственное отражение в зеркале, мне внезапно стало совсем плохо.

Она горько усмехнулась, покачав головой.

– Я представила себе, как иду по улице, и каждый второй оглядывается на лысую девушку. Я поняла, что это привлечет ко мне лишнее внимание. Поэтому я тут же купила себе парик с пышной прической, за которой не видно лица. В парике почувствовала себя увереннее. Решила: вот сейчас сажусь на автобус, еду до станции метро, а уж там будет просто уйти от слежки, отправиться на вокзал… Я прошла до нужной остановки и рухнула на скамейку. Мне казалось, еще немного, и я потеряю сознание. Вдруг ко мне подошла девушка – наверняка она начала отслеживать меня от самого подъезда…

Кристина бросила на меня короткий взгляд и, тут же скромно потупив глаза, вновь принялась жадно пить воду. Поставив пустой бокал на стол, она какое-то время смотрела на него, кусая губы, и вдруг заплакала.

– Господи, ведь с самого начала было ясно: у хирурга был мой адрес, значит, и мой побег не имел смысла – я убежала из палаты, а меня уже ждали где-нибудь рядом с подъездом! Вот дура, нужно было бежать куда угодно, но не домой!

Она отрывисто проговаривала слова и одновременно плакала, размазывая слезы ладонью. Казалось бы – чего тут такого, девушки часто плачут, некоторым это даже идет. Но эта несчастная Кристина плакала так горько, так тоскливо, что мне самому стало не по себе. Я вспомнил, что у меня на кухне имеется непочатая бутылка коньяка, и сделал успокаивающий жест:

– Спокойствие, только спокойствие!

В мгновение ока слетал на кухню и обратно, принес коньяк, рюмку и тут же налил это великолепное успокаивающее средство даме.

– Я не хочу! – немедленно начала отмахиваться она обеими руками. – Сроду не пила спиртного, не хочу!

Собственно, в подобных случаях барышень никто и не спрашивает об их желаниях. Я крепко обнял Кристину одной рукой, а другой попытался влить рюмочку ей в рот, разжимая ее крепко стиснутые зубы. В результате пыхтения-сопения и сдержанных ругательств несколько капель коньяка попали по назначению, а я поспешил проворно отскочить в сторону.

Тяжело дыша, ладонью утирая рот, Кристина с яростью смотрела на меня, что весьма интересно сочеталось со слезами, беспрерывно льющимися из ее прекрасных светлых глаз.

– Спокойствие, только спокойствие, – повторил я с широкой улыбкой. – Все прекрасно, не надо дергаться. Так на чем мы остановились? Ты сидела на остановке, и к тебе подошла какая-то девушка. Что было дальше?

Кристина немедленно впала в истерику.

– Что было дальше? Да ничего хорошего! – кулаком размазывая слезы по лицу, выкрикнула она. – Девушка сказала, что просто обыскалась меня; что мой Игорь сбежал из боль-

ницы и просил передать, что ждет меня у друга. Она сказала, что лично отвезет меня к этому другу.

– Прекрасно, Кристина, – осторожно опускаясь в свое кресло, сказал я и даже погладил руку нервной рассказчицы. – Догадываюсь, что то была ловушка.

– Именно! – отдергивая руку, выкрикнула моя собеседница. – Меня кинули в машину, где тут же оглушили.

– Понятно, – вставил я.

Она посмотрела на меня с такой яростью и одновременно с отчаянием, что мне стало слегка не по себе.

– Что тебе понятно?

У нее вновь началась истерика, из глаз потоком хлынули слезы.

– Тебе понятно, кто была эта «она»?

– То есть как это – кто была она? – совсем запутался я. – Кто?

– Кто-кто – она! Та девушка, что завлекла меня в машину!

Как хотите, а я все никак не мог понять, к чему Кристина клонит.

– То есть?..

– Неужели до тебя до сих пор не дошло очевидное? Неужели ты так и не понял, кто была эта девушка?

Наверное, в тот момент Ален Муар-Петрухин выглядел полным идиотом, на всякий случай стараясь сохранить на лице улыбку оптимиста, в то время как Кристина заливалась слезами.

– И кто же?

– Твоя знакомая художница!

Глава 8
Страшная история-2

Последний выкрик можно было сравнить разве что со звонкой пощечиной. Я несколько секунд неподвижно смотрел на лысую Кристину, осмысливая ее последнюю фразу. Постепенно до меня дошел смысл сказанного, я глубоко вздохнул, улыбнулся и негромко произнес:

– Что ты сказала?

Она мгновенно сжалась, словно приготовившись к удару.

– Что слышал. Твоя подруга-художница на пару со своим любовником-врачом промышляет торговлей человеческими органами. А теперь, если хочешь, можешь звонить ей и сдать меня.

Разумеется, я не собирался никуда звонить. Просто на этот раз налил коньяку себе и выпил. Потом еще рюмочку. Поудобнее уселся в своем кресле и попытался расслабиться. Не получилось. Вместо того перед глазами, как наяву, встала картина Сониной кисти под романтическим названием «Внутренний мир». В таком случае, судя по всему, получается, тот шедевр можно было бы назвать и по-другому: «Плоды трансплантации». Или «Мясная лавка». Или еще как-нибудь в том же духе.

Я перевел взгляд на Кристину, которая, сжавшись в своем кресле, смотрела на меня с испугом.

– Прошу пардону, мадемуазель. Значит, ты хочешь сказать, что это хирург по имени Сергей на пару с моей давней подругой Соней занимаются незаконной торговлей человеческими органами?

Она смотрела на меня испуганными глазами, а по ее бледным щекам вновь потоками текли слезы.

– Все, что я рассказала тебе – чистая правда. Я не вру. Твое дело верить мне или нет, сам делай выводы.

Ей-богу, если бы у меня были сигареты, в тот момент я не удержался бы и закурил. Порою очень трудно понять и принять факты, которые кажутся несовместимыми с реальностью.

Соня Дижон. Любовь всей моей жизни. Я знал ее не один год. Разумеется, она не была ангелом во плоти, скорее даже наоборот – в ней всегда присутствовал некий дух авантюризма. Но чтобы вот так запросто зашибать большие деньги ценою человеческих жизней…

Коварная штука – память. Стоило мне лишь на мгновение предположить возможность вины моей подруги, как тут же услужливые загашники памяти напомнили один давний эпизод.

В то на редкость жаркое лето мы с Соней вместе отдыхали в Греции. Мы заранее договорились, что едем просто отдыхать, не загружая себя никакой, даже самой минимальной, работой. Разумеется, это в первую очередь касалось Сони – я позаботился, чтобы дивные пейзажи Греции не омрачали весьма своеобразные капризы кисти моей синеокой художницы.

И вот мы проводили наш отпуск в состоянии перманентной нирваны. Каждый новый день походил на предыдущий: с утра мы загорали и купались-плескались, в часы сиесты блаженно прохлаждались в номере, а к вечеру выходили в люди: казино и рестораны едва ли не до самого утра. Великолепная нега ничегонеделания.

Однажды утром мы, по своему обыкновению, мирно поджаривались на пляже. Бронзовая, гладкая и прекрасная, как ожившая статуя Афродиты, Соня, притомившись лежать на животе, уселась, по-турецки скрестив ноги, и, пересыпая горячий песок из ладони в ладонь,

прищурившись, начала суровый осмотр ног-рук-спин людей, лежавших вокруг нас, подставляя свои не столь совершенные тела огненному солнцу Эллады.

– Увы, мои наблюдения в течение последних шести дней приводят меня к нерадостному выводу: большинство людей все-таки на редкость уродливы, – задумчиво проговорила она в конце концов чуть хрипловатым голосом. – Полагаю, с этим пора решительно бороться. Ты только представь себе удивительный мир, где живут лишь физически совершенные мужчины и женщины – прекрасные, как боги. Боюсь, единственный выход для достижения подобной гармонии – это срочно и безжалостно уничтожить всех старичков, толстячков, карликов и просто недоделанных нескладех.

– Не пугай меня, дорогая Соня, твои слова звучат слишком жестоко, не говоря о том, что подобный подход просто неразумен, – лениво отозвался я, не открывая глаз. – Вряд ли мир людей, совершенных чисто физически, был бы столь же прекрасен и комфортен. Согласись, чудеса культуры, науки и техники творят, как правило, именно толстяки и нескладехи.

– Таких стоило бы держать где-нибудь в подземелье, как рабов, – воодушевленно продолжала развивать свою мысль Соня. – Ну а также в качестве мяса – на случай неурожая.

Я хотел было уже возмутиться этим неприкрытым цинизмом, как она весело и беспечно расхохоталась:

– Ага, так ты поверил! Поверил, что я готова уничтожать! Вот какая я нехорошая, на твой взгляд!

Она смеялась весело, как говорится, от всей души. Но кто знает, что на самом деле было у красавицы на уме?..

Наверное, в тот момент на моем лице окаменело жалкое подобие улыбки. Пара секунд – и я решительно взял себя в руки: прочь, черные мысли, дурацкие воспоминания! Все дело просто в моей банальной ревности – я ревную Соню к разным хирургам-патологоанатомам, а потому готов верить на слово абсолютно не знакомой мне лысой девице, которая, кстати, и сама появилась в моей жизни самым подозрительным образом.

Я нарочито неторопливо налил себе еще рюмку и залихватски выпил. Гулять так гулять!

– А теперь, моя милая Кристина, продолжай свой рассказ. Итак, что приключилось с тобой дальше?

Наверное, сами интонации и вибрации моего голоса не понравились рассказчице. Ее лицо сморщилось, как от резкой боли.

– Я так и знала – вы мне не верите! – с отчаянием почти выкрикнула она. – Ну, разумеется, вы ведь влюблены в свою дамочку, так что она, не напрягаясь, может вить из вас веревки.

– Успокойся, радость моя, – елейным голосом проговорил я. – И, насколько я помню, мы с тобой на «ты». Так ведь?

Она кивнула. Ее губы дрожали от сдерживаемых рыданий.

– А теперь постарайся меня понять. Соню я знаю не один год, и тут появляешься ты, абсолютно не знакомый мне человек, и сообщаешь, что она – жестокая преступница.

– Да, да, извини меня, наверное, мне лучше просто уйти.

– Не надо никуда уходить. Просто заверши свой рассказ. Что было потом, когда ты очутилась в машине с Соней. Что было дальше?

– Ничего.

Ее лицо так и продолжало дергаться.

– Ничего. В машине был еще и тот самый хирург. Твоя Соня крепко меня держала, а он снова сделал мне укол, приговаривая, как и ты сейчас: «Спокойно, радость моя, спокойно!»

Верьте не верьте, но я словно пережил ту маленькую сценку наяву: машина, Соня, крепко обхватившая лысую руками, и ее милейший доктор Серж, аккуратно делающий укольчик…

Я мужественно улыбнулся:

– И потом?

– Что потом? Потом я очнулась, связанной – только на этот раз я была на чердаке дома твоей Сони. Я с детства была очень ловкой, помню, в пионерлагере нас учили избавляться от веревок. И снова я сумела от них освободиться. Более-менее привела в порядок парик, платьем утерла лицо. А когда спустилась – обнаружила себя среди уймы народа. На мое счастье, все там были одеты так, что и я вполне могла сойти за какую-нибудь навороченную…

Я только усмехнулся на это замечание – признаюсь, с горчинкой. Что тут говорить, публика у Сони собралась неординарная…

– И что, тебя не заметили ни Соня, ни ее приятель?

– А ты сам их сразу заметил?

Не в бровь, а в глаз – в самом деле, мне пришлось потусоваться, прежде чем я наконец-то повстречал свою любовь.

– Как же ты попала именно в мою машину?

Твердой рукой я решительно налил себе и Кристине по новой рюмашечке. Она немедленно нахмурилась.

– Очень просто. Я держалась в тени неподалеку от входа, когда ты припарковался, а потому прекрасно видела, как ты вышел и с грустью посмотрел на освещенный дом.

Она горько усмехнулась:

– Я подумала, что ты – не злой человек. И залезла в твою машину. Потому как мне нужно было любым способом исчезнуть из того ужасного дома. Наступала ночь, и мне было страшно. А потом, в машине, когда ты запел смешную старую песню «Не сыпь мне соль на раны», у меня началось нечто типа истерики. Дело в том, что мой Игорь тоже любил напевать ту же самую песню.

Договорив эту тираду, она взяла дрожащей рукой рюмку и залпом выпила коньяк. Видели бы вы ее лицо – мокрое и красное от слез, оно все-таки было чертовски притягательным – особенно учитывая то, что от нескончаемых рыданий да истерик ее большой чувственный рот стал ослепительно-красным. Я вздохнул и тоже выпил свою порцию.

Какие мысли скакали у меня в голове? Самые разнообразные. Я думал, что нельзя на протяжении нескольких лет знать человека и не ведать, что он – преступник. Что красивая девушка, разумеется, может быть, что называется, с чертовщинкой, она может рисовать человеческие внутренности, но торговать ими…

А еще я думал, что любовь зла…

– Знаешь, я благодарна тебе за то, что ты вывез меня оттуда и что дал спокойно провести ночь в собственной спальне, не домогаясь, как сделали бы девяносто девять из ста мужиков на твоем месте…

Кристина глубоко вздохнула и даже попыталась мне улыбнуться.

– Я также благодарна тебе за то, что ты меня выслушал. Наверное, именно это мне было необходимо больше всего – выговориться, все рассказать. А теперь, думаю, лучше мне уехать, чтобы не портить тебе жизнь. Я понимаю, ты любишь эту женщину и тебе сложно мне стопроцентно поверить. Но ведь если что – она и тебя убьет, не задумываясь…

Глава 9
Лирическое отступление

Что и говорить, все это прозвучало волнующе и прекрасно, до слез. Но слова Кристины о том, что я не домогался ее этой ночью, и коньяк, вдруг ударивший в голову, и этот ее волнующе красный рот уже начали творить свое пагубное дело. Я смотрел на тонкий рисунок девичьего лица незнакомки и убеждал сам себя, что, в конце концов, я нормальный представитель сильной половины человечества, которому для здоровья и отличного жизненного тонуса просто необходим более-менее регулярный секс. И разве в глазах Кристины не «звучало» молчаливое согласие?..

Как говорится в любимом мультике моего замечательного детства, «и тут Пух неожиданно вспомнил об одном важном деле». Я щелкнул пальцами, будто внезапно что-то пришло мне на ум, после чего вскочил, схватил Кристину за руку и потащил за собой.

– Что случилось? – испуганно вскрикнула она, спотыкаясь от неожиданности и едва не падая.

Я увлекал ее в дом, к лестнице на второй этаж – к спальне, где она провела эту ночь и где я ее «не домогался».

– Вперед! Нужно кое-что проверить.

В одно мгновение мы взлетели наверх, тут я отпустил ее руку, приземлившись точно перед тумбочкой у кровати; одним движением выдвинул ящик и достал то, что пылилось там едва ли не сто лет.

– Что это?

Голос Кристины у меня за спиной испуганно дрогнул. И было отчего: я достал и тут же эффектно направил на нее дуло пистолета – точь-в#точь, как Бонд. Джеймс Бонд…

– Это, милочка, мое оружие – оружие агента 007. Надеюсь, вы в курсе, что два нуля перед семеркой – это лицензия на убийство?

Она неторопливо опустилась на кровать (что вполне соответствовало моим дальнейшим планам) и впервые за все время нашего знакомства улыбнулась – соблазнительно и дерзко.

– Кажется, мы были с тобой на «ты»?

Что я мог ей ответить? Я тоже многозначительно улыбнулся, неторопливо отложил грозное оружие в сторону, приблизился, решительно обнял девушку за плечи и без долгих предисловий окончательно перешел с ней на «ты».

Не буду вводить вас в краску, описывая все непристойности, которым мы предавались на протяжении довольно продолжительного времени. Все было великолепно, и мой личный «Парабеллум» сработал на славу. Откинувшись на подушки, я произнес:

– И все-таки она вертится!

– Кто там еще вертится? – очаровательным детским голосом произнесла милая и нежная Кристина.

Что поделать – не все детки любят читать книжки и хорошо учатся в школе. Я только потрепал ее по плечу (по лысой голове – рука не поднялась).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.